

Н.В. Кольцова

Проблема свободы в кочевых социумах Центральной Азии: традиции и современность

Современные государства Центральной Азии, территория которых в прошлом была интегрирована в более широкий исторический ареал и служила ареной для сложных этнокультурных процессов в «Большой» Центральной Азии (ЦА), сегодня приковывают к себе особое внимание. В настоящее время характерной тенденцией в регионе является апелляция значительной части исторически автохтонного, или «коренного», населения государств Центральной Азии к исторической традиции, которая получила выражение в восстановлении, актуализации некоторых культурных и мировоззренческих стереотипов прошлого. Возврат к традиционализму в современной ЦА находит отражение в усилении трайбалистских и клановых отношений, «произошедших в результате “регенерации” средневековых, а в Казахстане родоплеменных, номадных отношений, особенно в сельских местностях» [1, с. 97], в возрождении, а по большей части мифологизации исторического наследия, героизации прошлого, пересмотре целого ряда национальных историй и т.д. Клановость и семейственность – основная база, на которой формируются современные политические элиты, структуры и собственно власть*. Особенно отчетливо эта тенденция проявляется в государствах Центральной Азии, в том числе в Казахстане, где кланово-родственный характер правящей элиты предопределяет специфику властных структур. Сегодня регулярно запускаются спекуляции о родовых связях президентов с великими древними предками. Причины подобной апелляции к историческим прецедентам некоторые исследователи (А. Акишев, Н. Амрекулов, Н. Аблязов, Н. Ибадильдин) видят в необходимости компенсации комплексов неполноценности «суверенитета», подтверждения преемственности государственности в регионе, удовлетворения этнического самолюбия путем удревления государственной традиции титульных этносов. Эти новые тенденции в современной ЦА уходят своими корнями в древность и Средневековье, тем самым вызывают научный интерес к историческому прошло-

му кочевых народов, к кочевому социуму, его структуре, социально-экономическому, социально-политическому, этнополитическому и другим аспектам организации.

Объектом нашего исследования являются понятия «внутренняя несвобода» и «внешняя свобода» в кочевых обществах ЦА. В частности, мы ставили перед собой задачу вычлнить проблему человека в традиционной среде, где царят законы родства, семейственности, клановости, определить понятие свободы в отношении номадизма к окружающему внешнему миру, в характере и структуре власти и т.д. Об этом в свое время писал известный французский философ XVIII в. Ш.Л. Монтескье. У него встречаются достаточно противоречивые точки зрения на понятие свободы у кочевников. С одной стороны, он утверждает, что в стране, «где различные орды постоянно воюют друг с другом, непрерывно покорны друг другу, где политический организм каждой побежденной орды вследствие смерти ее вождя всегда разрушается, народ вообще не может быть свободным, потому что нет ни одной части его, которая не пребывала бы множество раз под игом завоевателя» [2, с. 249]. В то же время Монтескье отмечает, что «эти народы пользуются большой свободой, так как, не занимаясь возделыванием земли, они не связаны с нею. Они ведут кочевой образ жизни, и если какой-либо из их вождей захотел лишить их свободы, то они или стали бы искать свободу под главенством других или удалились бы в леса, чтобы жить там со своими семьями» [2, с. 246]. Возникает вопрос: что такое свобода кочевника и кочевого общества в целом?

Несущая конструкция архаичных кочевых обществ базировалась на генеалогическом родстве и генеалогическом принципе объединения индивидуумов в пространстве. Известный специалист по проблемам кочевничества Н.Э. Масанов называет генеалогическую систему родства основным каналом жизнеобеспечения кочевников – диахронным способом передачи информации и собственности. В частности, он писал: «Человек в течение своей жизни практи-

* Гипертрофированность президентских советов, зависимость исполнительной, судебной власти от президента, контроль над избирательными органами, семейственность в кадровой политике и т.д.

чески не мог самостоятельно приобрести имущество, он мог получить его в наследство. Одновременно человек не мог в течение своей жизни самостоятельно приобрести минимально необходимый объем знаний, он мог только усвоить опыт, накопленный многими поколениями его предков» [3, с. 146]. Наличие в кочевых обществах диаметрально противоположных тенденций дисперсного и относительно концентрированного состояния обуславливает дуализм свободы у кочевников. Кочующие общины одного и того же рода, с одной стороны, были относительно свободны в передвижении, с другой стороны, эта свобода передвижения была связана с необходимостью не группироваться на одном месте, чтобы не вытраивать корм для скота [4, с. 109]. Род – основной структурный элемент племени – выступает в качестве защитника каждого из своих членов, в то же время он предопределяет внутреннюю несвободу, зависимость отдельного человека в рамках родовой структуры. Согласно материалам по обычному праву казахов, «исключенный из общества родовичей человек, лишаясь всякой поддержки в них, не имеет между киргизами никаких прав: он и имущество его суть добыча первого ловца – киргиза, высматривающего всегда подобных, лишенных родового покровительства людей» [3, с. 148]. Нормальное функционирование и существование индивидуальных хозяйств в кочевой среде зависят от рода. Комплекс общих трудовых усилий, охватывающий жизненно важные виды деятельности, обеспечивающий функционирование скотоводческого хозяйства номадов, не допускает, а напротив, исключает возможность бытия отдельного индивида вне рода. «Вся экономическая и социальная жизнь сосредоточилась в роде, – отмечал русский историк П.П. Румянцев, – сородичи и кочевали, и пасли свой скот, вместе устраивали баранты, вместе отбивали нападения врагов, вместе отмечали празднества и обряды, связанные с кругом жизни человека. Вне рода киргиз был беспомощен, он терял свою независимость, в лучшем случае делался слугою хана – теленгутом» [5, с. 22–23].

Род защищает, помогает, кормит. Внутри рода – родственники, дальние или близкие, и все переговоры ведутся на этой почве. Родственники всегда могут и должны договориться. Родственные узы сплачивали многочисленные роды, обеспечивая свободу и защиту их членов от внешних врагов. Родовое сознание нашло отражение во многих народных эпосах, фольклористике кочевников. Так, в киргизском героическом эпосе «Манас» наиболее рельефно показаны осо-

бенности исторического прошлого киргизов сквозь призму родоплеменных отношений при кочевом укладе. Один из иллюстративных примеров, характеризующих родовое сознание кочевников, – история о китайце Алмамбете. Оторвавшись от своего народа и своих сородичей, ради истинной веры став боевым соратником Манаса и проводником киргизского войска в «великом походе» на Бейджин*, он оказался в ситуации недоверия окружающих к чужеземцу и перебежчику, «беглому рабу». В обществе, построенном на прочных и тесных родовых и семейных связях, где опорой и защитой человека является только род, Алмамбет занимает положение изгоя, человека беззащитного, без рода и племени, несмотря на свое высокое царское происхождение [6, с. 165–166].

Истоки проблемы функционирования системы власти у большинства кочевых народов можно рассматривать посредством соотношения понятий свобода – регулирование. Так, например, система генеалогического родства, занимавшая определяющее место в структуре социальных связей казахского общества, выполняла определенную социально-регулирующую функцию. Исторически сложившиеся этнотерриториальные объединения казахских кочевников – Старший, Средний, Младший жузы вылились в структуру власти: «старшие», т.е. сильные племена и роды, выступали здесь в роли ядра казахских социально-территориальных объединений, вокруг которых интегрировались «младшие» племена и роды. На основе такого рода интеграции складывались крупные потестарные образования кочевников – ханства [7, с. 53]. Подобной системе власти присущ дуализм. С одной стороны, сильные родоначальники, с другой – слабые ханы. «Внутри рода власть была сконцентрирована, а во всем ханстве расплылена» [8, с. 142]. Г.Е. Марков видит причину бессилия власти ханов в отсутствии самого аппарата власти. По свидетельству современников, в течение XVIII в. «сословные привилегии ханов и султанов сильно ограничивались кочевой демократией» [9, с. 155]. Это отмечал и знаменитый ученый и путешественник Н.М. Пржевальский: «Вообще у азиатцев широкий деспотизм правителей уживается рядом с выборным началом общинного строя» [10, с. 10]. Определенное значение имела и специфика кочевого хозяйства: «В случае попытки хана к принуждению или насилью, киргиз вместе со своими сородичами просто уходил от него в другое место» [9, с. 155]. Таким образом, родовые институты выполняли функции

* Бейджин (Бэйцзин) – северная столица, так в китайской транскрипции именуется Пекин.

регулятора, в их рамках человек был внутренне не свободен, а по отношению к ханам-вождям – вполне независим. Например, само название «казахское ханство» совершенно номинально. С точки зрения крупного специалиста по истории Казахстана XVIII–XIX вв. В.А. Моисеева, накануне и в начальный период присоединения к России «это ханство представляло собой рыхлый союз родоплеменных образований, неспособный вследствие самой внутренней природы кочевого хозяйства к саморазвитию и созданию государственности» [5, с. 22].

Что касается понятия «внешняя свобода кочевников», то, на наш взгляд, оно выражается в особенностях внешней адаптации кочевников к сосуществованию с соседними, преимущественно оседлыми земледельческими цивилизациями, в характере взаимоотношений между различными потестарными и политическими объединениями, военно-административными образованиями, в степени восприятия чужой культуры и ее влияния на кочевой социум. Говоря о возможности восприятия и усвоения достижений европейской цивилизации номадами, Н.М. Пржевальский в своей работе «Современное положение Центральной Азии» приходит к отрицательному ответу. Он, в частности, делает оспариваемый некоторыми современными учеными вывод о традиционном отрицании кочевниками прогресса и благ цивилизации [10, с. 10]. В кочевниковедческой литературе давно утвердилась точка зрения о том, что культурное влияние оседлой цивилизации с трудом проникало в кочевой социум.

На наш взгляд, наиболее показательным способом адаптации номадов к внешней среде определил Н.Н. Крадин. Он выделяет два способа подобной адаптации: от открытой неприязни номадизма и оседлого мира до возможности кочевническо-земледельческого симбиоза. В китайских источниках традиционны следующие точки зрения: «Сюнну можно подчинить только силой, к ним нельзя относиться гуманно», «Когда они видят противника, то устремляются за добычей, подобно тому, как слетаются птицы, а когда попадают в трудное положение, то рассеиваются подобно облакам» [11, с. 98, 103, 105]. Говоря о внешней свободе кочевников, необходимо отметить, что оседлый быт более контролируем, тогда как кочевники «кочуют с места на место словно птицы, а потому их трудно прибрать к рукам и управлять ими» [11, с. 107].

Кроме того, внешняя свобода кочевников обеспечивалась пониманием невозможности суще-

ствования в одиночку, вне какого-либо более или менее крупного объединения, способного защитить от внешних сил при отсутствии государственности как таковой. «Нужда в объединении кочевников, – писал Н. Крадин, – возникала в случае войн за ресурсы существования, организации грабежей земледельцев или экспансии на их территорию...» [12, с. 22]. В традициях объединения кочевников в более крупные этноплеменные структуры, потестарные организации, кочевые империи можно увидеть проблему свободы, вернее, возможность ее сохранения. Объединение большей части кочевников евразийской степи в некое политическое образование (объединение) происходило неоднократно. Помимо материального, культурного, языкового, экономического, генеалогического, этнического критериев объединения оно было продиктовано необходимостью совместной защиты родовых стойбищ, стремлением сохранить внешнюю свободу (пусть даже ценою лишения свободы внутренней) как от соседних воинственных кочевых племен, так и от крупных государств. Так, например, в результате объединительной «кампании» кочевников в Монгольскую империю к началу второй половины XIII в. оседлым государствам противостоял уже не маленький монгольский улус, а огромный могущественный каганат – кочевая империя, населенная монголами и присоединившимися к ним тюрками [13, с. 58].

Проблему внешней свободы, сохранения независимости и обеспечения некоего суверенитета можно проследить при анализе функционирования системы двоеданничества и двоеподданства у ряда коренных тюркских народов юга Сибири. Не вдаваясь в характеристику этнической, социально-экономической обстановки в Южной и Юго-Западной Сибири, остановимся лишь на некоторых прецедентах. Достаточно сложные взаимоотношения между противоборствующими за влияние в регионе силами и тюркскими народами обуславливали на протяжении XVII–XIX в. изменение соотношения сил в ту или иную сторону. Благодаря положению двоеподданства и двоеданничества кочевые народы использовали этот баланс сил между различными внешними силами, обеспечивая себе относительную свободу и безопасность, уходя под покровительство более сильных соседей. Это происходило и в рамках своеобразной системы русско-джунгарского, а позднее русско-китайского «кондоминиума», и на уровне института кыштымства*. Наиболее иллюстративным в этом смысле примером является последний, прочно

* Кыштым – у сибирских народов вассал, обязанный платить подать своему повелителю в обмен на гарантию своей безопасности.

укрепившийся между этническими группами Сибири. «Обязательства, возникавшие между кыштымами и их повелителями, были взаимными: первые платили дань и выставляли вспомогательное войско, вторые обеспечивали охрану своих кыштымов и заботились о поддержании мира на их территории» [14, с. 41]. Заинтересованность в подчинении более сильным покровителям, приводившая к потере личной независимости, тем не менее гарантировала независимость внешнею, которая в рамках изолированного существования не представлялась возможной. Причем следует отметить тот факт, что как только в отношении подданных или данников со стороны той или иной власти усиливалось давление (будь то налоговое, военное) либо обозначивалась ее неспособность оградить своих подданных от воинственных соседей, они искали более надежных покровителей. В периоды, когда сильные военно-кочевые объединения оказывались в сфере столкновения интересов более могущественных соседей, для сохранения власти над кыштымами и относительной самостоятельности определяющими были тактика лавирования между различными внешними силами и игра на противоречиях между ними.

С момента включения кочевников Центральноазиатской буферной зоны в орбиту интересов России и Китая первые, играя на противоречиях империй, обеспечивали себе относительную независимость, отдавая предпочтение той или иной власти. Однако степень этой свободы на разных этапах была различной. «В гораздо меньшей степени, — с точки зрения В.А. Моисеева, — коснулась приграничного кочевого населения и политика седентеризации, проводимая русским правительством в Казахстане» [15, с. 30]. Характерным явлением в этом смысле был уход кочевников за границу при малейшем давлении со стороны властей. А отсутствие границы как таковой до 70–80-х гг. XIX в. обеспечивало кочевникам свободу в передвижениях, что делало их более независимыми и от Китая, и от России, доминировавших на тот момент в регионе.

Таким образом, проблему свободы в кочевых обществах можно рассматривать через дихотомию внутренняя несвобода — внешняя свобода. Первое понятие детерминировано родовой структурой кочевого социума, второе актуализируется при рассмотрении проблем внешней адаптации кочевников и их взаимодействий с другими цивилизациями.

Возвращаясь к процессам в современной ЦА, следует отметить, что с исчезновением советских форм организации, основанных на территориальном принципе, и при отсутствии новых происходит регенерация родоплеменных структур объединения. Возрождение традиционных механизмов самоидентификации человека в окружающем мире на основе общинно-групповых, клановых, ценностей и идеалов ставит в положение индивидуальной зависимости и внутренней несвободы, что было характерно для традиционных кочевых обществ, но уже в трансформированном виде. Как справедливо отмечает А.К. Акишев, «государство, а, в сущности, с ним в сознании обывателя самоотождествляются и ассоциируются кланы президентов и их сородичей, полагает свою генеалогическую и аксиологическую структуру нормативной и “традиционной”, то есть базирующейся на некоем историческом прецеденте» [1, с. 108]. Некоторые исследователи, указывая на заметное возрождение традиционалистских представлений, средневековых стереотипов в мировоззрении и бытовой культуре титульных и многих других этносов во всех государствах ЦА, связывают с этим проблему суверенитета данных государств. Во многих работах ведущих специалистов по центральноазиатской проблематике слово суверенный по отношению к государствам региона употребляется в кавычках. По-прежнему, как и в далеком прошлом, не имея возможности самостоятельно отстаивать суверенитет, государства, балансируя на соотношении различных внешних сил в регионе и следуя в фарватере чьей-либо политике, стремятся обеспечить свою внешнюю безопасность.

Литература

1. Акишев А. Старые платья новых ханов // Политическая элита Казахстана: история, современность, перспектива. Алматы, 2000.
2. Монтескье Ш.Л. О духе законов. М., 1999.
3. Масанов Н. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельностиномадного общества. М., 1995.
4. Масанов Н.Э. Проблемы социально-экономической истории казахов на рубеже XVIII–XIX вв. Алматы, 1984.
5. Моисеев В.А. К вопросу о государственности у казахов накануне и в начальный период присоединения Казахстана к России // Восток. 1995. №4.
6. Киргизский героический эпос «Манас». М., 1961.
7. Ерофеева И. Исторический аспект формирования политической элиты Казахстана // Политическая элита Казахстана: история, современность, перспектива. Алматы, 2000.
8. Аблязов Н. Новый Африканат, или Еще раз про казахов / Н. Аблязов, Н. Ибадильдин // Поли-

тическая элита Казахстана: история, современность, перспектива. Алматы, 2000.

9. Марков С. Кочевники Азии. М., 1976.

10. Пржевальский Н.М. Современное положение Центральной Азии. Б.м., б.г.

11. Крадин Н.Н. Империя Хунну. М., 2001.

12. Крадин Н.Н. Общественный строй кочевников: дискуссии и проблемы // Вопросы истории. 2001. №4.

13. Трепавлов В.В. Государственный строй Монгольской империи XIII в. М., 1993.

14. Боронин О.В. Двоеданничество в Сибири XVII–XIX в. Барнаул, 2002.

15. Моисеев В.А. Россия и Цинский Китай глазами мусульманских народов центральноазиатского фронта (вторая половина XIX – начало XX в.) // Европейские исследования в Сибири : материалы Всероссийской научной конференции «Американский и сибирский фронт», 6–8 февр. 2002. Вып. 3. Томск, 2002.